БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

Станислав Лакоба

ВИКТОР СТРАЖЕВ: РУССКИЙ ПОЭТ, ПЕДАГОГ И АРХЕОЛОГ В АБХАЗИИ

Очерк

Виктор Стражев

ГОРСТЬ

Стихи

Сухум, 2026

УДК 81-1/-9
ББК 83.3 (2Рос=Рус)-8
Л 19

Составители: Дбар А. Я., Керопян А. С.

Станислав Лакоба. Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии: очерк; **Виктор Стражев.** Горсть: стихи / сост. Дбар А. Я., Керопян А. С. – Сухум, 2026. – 56 с.

г/р 978-5-166-95-08026

В данный сборник вошли очерк Станислава Лакоба «Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии», а также книга стихов В. Стражева «Горсть», впервые увидевшая свет в 1923 году в Сухуме.

Виктор Иванович Стражев проживал в Абхазии в 1916–1927 гг. и оставил заметный след в общественной жизни республики.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

© Лакоба С. З. (статья), 2017
© Дбар А. Я., Керопян А. С. (составление), 2026

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Данный сборник состоит из двух частей.

Открывает его очерк историка Станислава Зосимовича Лакоба (1953–2025) «Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии», впервые опубликованный в 2017 г. Поэт Виктор Стражев (1879–1950) переехал в Сухум в 1916 г. и прожил здесь более десяти лет, до 1927 г. В Абхазии он проявил себя еще и как педагог и археолог. Обо всей его многогранной деятельности в нашей республике и рассказывается в подробном очерке С. Лакоба.

В 1923 году в Сухуме В. Стражев опубликовал книжку стихов «Горсть», в основном, посвященную Абхазии; она и составила вторую часть нашего сборника. С. Лакоба в последние годы жизни планировал переиздать эту книжку В. Стражева, но не успел.

«Горсть» В. Стражева в полном виде переиздается впервые.

Надеемся, что данный сборник, состоящий из блистательного очерка Станислава Лакоба и прекрасных стихотворений Виктора Стражева, будет встречен широкой публикой благосклонно.

Сборник посвящается памяти безвременно ушедшего из жизни 20 сентября 2025 года С.З. Лакоба.

Станислав ЛАКОБА

Виктор Стражев: РУССКИЙ ПОЭТ, ПЕДАГОГ И АРХЕОЛОГ В АБХАЗИИ

Очерк[1]

«Не раз, под гравием, разрыхливши песок,
Я находил узорный черепок...
Под шум прибоя, в немь тысячелетий
В твоей ладье я уплывал, сонет!
И мне мерцал диоскурийский свет...
И я мечтал себя в неведомом поэте».

В.И. Стражев
Диоскурийские сонеты

Приезд

...3 июня 1916 года. В этот день коллежский асессор Виктор Иванович Стражев (1879–1950), удостоенный всего полгода назад за долголетнюю педагогическую работу ордена св. Станислава III степени[2], писал на имя попечителя Кавказского учебного округа: «Прошу Ваше превосходительство о месте штатного преподавателя русского языка в какой-либо мужской гимназии города Тифлиса или

[1] О пребывании и деятельности В.И. Стражева в Абхазии см.: Бгажба Х.С. Этюды и исследования. Сухуми. 1974; Его же. Страницы из летописи дружбы. Тбилиси. 1983; статьи и очерки Лакоба С.З. в газете «Советская Абхазия» (1980), журнале «Литературная Грузия» (1980. № 11), литературном сборнике «Ерцаху» (1981), в книге «Крылились дни в Сухум-Кале…»: Историко-культурные очерки. Сухуми. 1988 и др.

[2] Центральный государственный архив Абхазии (далее ЦГАА). Ф. 18, Д. 96, Л. 11–13 и об. В октябре 1992 г. архив Абхазии был сожжен грузинскими военными, поэтому шифры даются в старой редакции.

Виктор Стражев

иного большого города в пределах Кавказа... Я окончил... Московский университет по словесному отделению историко-филологического факультета, с дипломом первой степени, в 1902 году; был преподавателем нескольких мужских и женских, средне-учебных заведений в Москве; с конца 1910 года, выйдя в отставку, занимался исключительно трудом журнально-литературным; с 1-го января 1912 года состоял штатным преподавателем Вяземской гимназии. Я смею надеяться, что мой тринадцатилетний педагогический опыт (работа в средней школе, чтение лекций в Московском университете, мои книги для школы и детей – хрестоматии «Первоцвет», «Цветничёк», хрестоматийное пособие «Колосья»...) и мое неслучайное и невнешнее отношение к предмету моего преподавания... позволяет Вашему превосходительству взглянуть на меня, как на полезного работника в учебном деле и не отказать мне в моей просьбе»[3].

Спустя полтора месяца, 25 июля, директор Сухумского реального училища срочно телеграфировал в Тифлис попечителю: «Стражева беру благодарю. Авилов»[4]. Через неделю Виктор Иванович прибыл пароходом в Сухум с женой и шестимесячной дочерью Ирой. Впоследствии Ирина Викторовна вспоминала: «Отец был разносторонне одаренным и широко образованным человеком... В Вязьме и в Сухуме преподавал русский язык и литературу... Поэт, талантливый лектор, а в молодости даже актер.

[3] ЦГАА. Ф. 18, Д. 96, Л. 10 и об.

[4] Там же. Л. 16.

Ирина Викторовна Стражева (в разные годы)

Он свободно говорил по-французски, владел греческим и латынью. Живя некоторое время в Венеции, изучил итальянский и испанский»[5].

«Дело Богемы»

Что побудило Стражева переехать в Абхазию? В одной из автобиографий он сухо отмечает, что в 1910 г. жил за границей. К этому времени он был уже довольно известен как писатель-символист, вхож в литературные круги. Достаточно тесные отношения были у него с поэтом, прозаиком, литературным критиком и философом Г.И. Чулковым (1879–1939), с которым они вместе учились в гимназии. Немалое влияние Стражев как гимназический учитель оказал на будущих поэтов В.В. Гофмана (1884–1911) и В.Ф. Ходасевича (1886–1939). Однако наиболее близкие дружеские отношения свя-

[5] Стражева Ирина Викторовна – дочь поэта, доктор технических наук, профессор МАИ, автор книги о своем муже и коллеге, дважды Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской и Государственных премий, главном конструкторе ракетно-космических систем академике М.К. Янгеле. Стражева И.В.Тюльпаны с космодрома. М. 1978. С. 120–121; Вартанян Анна, Лакоба Станислав. От Сухуми до Байконура // Советская Абхазия. 18 марта 1980.

зывали его с известным русским писателем-эмигрантом Борисом Зайцевым (1881–1972). В своей книге мемуаров «Москва» (Париж, 1939; Мюнхен, 1960) тот поведал об одной очень интересной и поучительной истории. Русский публицист В.Л. Бурцев (1862–1942), разоблачивший многих провокаторов царской охранки (Е. Азефа, Р. Малиновского и др.), в 1910 г. раскрыл в литературной богеме Москвы провокацию: ее душой была полуполька Ольга Федоровна Путята. Она оговорила Бурцеву из ревности своего гражданского мужа Виктора Стражева, который якобы соучаствовал в ее делах. Газеты «Речь» и «Русские Ведомости» разнесли эту новость.

Борис Зайцев пишет, что «сердечные дела» подвели тогда Стражева, который был далек от политики и революционных дел. Их жизнь с Ольгой Путятой не сложилась. «С. не был так мягок и удобен для управления. Самолюбивый, и с характером, очень умный, по образованию филолог, бросивший учительство для литературы, он попал в самую горячку начала века. Вокруг делались быстрые и шумные литературные карьеры. Ему выбиться не удавалось. Из скромного учительского быта он попал в кипение богемы, в новую жизнь с Литературным кружком, собраниями, лекциями, пестротой и сутолокою ресторанов, в круг изящных женщин, легких романов, в ту нарядную пену, которой было тогда так много…».

«Однажды весною С., засидевшись у меня вечером, сказал:

– Проводи меня до дому. Мне что-то очень грустно. Оля все грозится покончить с собой и отомстить мне так, что и в голову не придет.

Его жизнь в это время также приняла несколько болезненный оттенок. Он много играл в карты. Много волновался из-за литературных неудач. Имела она основание и ревновать его.

Летом, в очень дурных отношениях с ней, на случайные деньги (он играл на бегах, скачках) С. уехал в Италию, с нашей легкой руки, входившую в моду. Путята – в Париж. Там и созналась Бурцеву, что уже несколько лет служит в охране и… – вспомнила угрозу! – что С. знает об этом, помогает и пользуется ее деньгами. Бурцев все это сообщил печати».

Затем состоялся третейский суд и Стражев доказал свою честность[6].

---

[6] О деле предательства Ольги Путяты см. в книге: Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Л. 1959. С. 160–161, а также: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1647 (Стражев В.И.). ОП. 3. Д. 30.

Борис Зайцев с огромной теплотой, ностальгически вспоминал Стражева: «Это был, одно время, ближайший мне человек. Мы любили друг друга. Многое вместе пережили, вместе начинали литературный путь… Странным образом, то самое «дело богемы», в которое оба мы столько вложили страсти, из которого вышли победителями – оно то и развело нас… Я не знаю об С. ни звука».

Учительство в Сухуме

В Сухумском реальном училище Стражев проработал немногим больше года, а с 1 ноября 1917 г. он стал преподавателем учительской семинарии[7]. Одной из его учениц в училище была Т.Д. Скаловская (долгое время работала секретарем у писателя Константина Симонова). Вот каким она запомнила Виктора Ивановича тех лет: «В класс вошел небольшого роста, худенький человек с большой характерной головой, очень высоким лбом, седой; огромные светлые глаза; лицо необычайно подвижное, выразительное. Одет он был в чесучовый светлый пиджак. Под мышкой – небольшой портфель. Очень своеобразной, слегка как бы ныряющей походкой взошел он на кафедру... И заговорил. Первая его лекция – именно лекция, а не урок – была посвящена лирике. Стражев был блестящим лектором. Не говоря уже о содержании лекции, в дни вдохновения был у него удивительно приятный голос, которым он великолепно владел. Богатая мимика дополняла впечатление...».

Виктор Иванович был прекрасным чтецом. О том, как он декламировал стихи Блока, Пушкина, Тургенева, помнит его ученица, педагог Анна Тиграновна Вартанян. Но больше всего ей запомнилось, с какой удивительной силой и тонкостью Стражев на одном из сухумских уроков литературы прочитал рассказ А.П. Чехова «Тоска».

Запомнила Стражева как прекрасного чтеца и одна из его учениц по Сухумской женской гимназии С.В. Воронова (мама археолога Ю.Н. Воронова): «Впервые я обратила на него внимание на литературном вечере в 1921 году, когда он для нас, учащихся младших классов, прочитал повесть Гоголя «Вий». Прочел он эту повесть удивительно мастерски. Она просто нас всех потрясла...»

---

[7] ЦГАА. Ф. 18. Д. 96. Л. 9.

Под знаком Блока и Толстого

В Сухуме Виктора Ивановича хорошо знали еще до его переезда сюда по многочисленным поэтическим сборникам, изданным в Москве. Особенно популярной была книга «Чтец-декламатор», где наряду с произведениями М. Лохвицкой, М. Шагинян, З. Гиппиус, В. Брюсова, К. Бальмонта, М. Горького, Д. Мережковского, А. Апухтина, И. Бунина, А. Блока, Ф. Сологуба, М. Волошина, И. Тургенева, А. Чехова было представлено и одно стихотворение Стражева.

Переехав в Абхазию, он активно включается в культурную жизнь, знакомится с драматургом Н.Н. Евреиновым. Тогда как раз шла поставленная Николаем Николаевичем комедия-буфф «Ателье мод», в которой высмеивались представители многочисленных партий пестрой политической жизни России. В самом начале 1917 года в Обществе любителей природы Виктор Иванович выступил с лекцией «Жизнь и творчество Джека Лондона»[8]. А 28 ноября 1918 года в театре «Алоизи» состоялся организованный «Художественным содружеством» доклад Стражева «Лирика женской души (Анна Ахматова и Мариэтта Шагинян)». В «Художественное содружество» входили абхазский художник А.К. Шервашидзе (Чачба), актриса Н.И. Бутковская, теоретик сценического искусства и режиссер Н.Н. Евреинов[9]. Так, 25 февраля 1919 года в театре «Алоизи» состоялся бал-маскарад («пародии, экспромты, шарж»), причем была создана «редакционная коллегия ежеминутной газеты «Колючка» в составе Н.И. Бутковской, В.И. Стражева и А.К. Шервашидзе»[10]. Затем они же и Н. Евреинов поставили спектакль Козьмы Пруткова, имевший грандиозный успех.

Неожиданно Сухум покорили «Скифы» Блока. Но Виктор Стражев, близко знавший великого поэта, не принял их. 16 августа 1919 г. он написал стихотворение «Анти-скифы»:

БЛОКУ

О, да! Зови на братский пир, поэт!
Но перестрой встревоженную лиру –

---

[8] Наше слово (Сухум). 25 февраля 1919.

[9] Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми. 1979. С. 324.

[10] Аджинджал Б.М. Художник А.К. Чачба (Шервашидзе) // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми. 1974. С. 91.

Нет! – не грози лавиной злобных бед
Старшому – западному миру!
Нет! – Пусть иной и светловейный миф
В твоих стихах услышат наши братья.
Пойдут ли к нам – коль им раскроет скиф
Тяжелых лап свои объятья?
Нет! – Нам не надо скифской маски!
Могильный сон курганов не тревожь
И не мути злозычьем сказки.
Докучно, чуждо было нам всегда
Европы жадной скопидомство,
Но страдный путь не ляжет наш туда,
Где злое зреет вероломство.
Наш путь – наш путь...
И нам пугать не стать
Чужою, азиатской рожей.
На этот раз – какая боль внимать
Ей – лире милой и пригожей.

Но «Скифы» не поколебали любовь Виктора Ивановича к Блоку-лирику. «Я жил на Кавказе, в Сухуме, – вспоминал он. – В жаркий августовский день 1921 года шел я по улице, и заметил на стене дома свежий квадратик бумаги. Экстренная телеграмма. Подошел и прочел. Телеграмма сказала: умер Блок. Я перечел еще раз: так ли? Да, так. Понурившись, побрел. Встретил знакомого.

– Что с вами? Вы плачете? – удивленно спросил он.

Что ж. Мне и сейчас не стыдно этих слез. Блок ушел, но, остался одним из духовных спутников, тайной радостью...»[11]

В память о поэте душа Стражева отозвалась:

Розы радости – страданья
В сердце блеклый лепесток,
В темной памяти сияньем
Голубое имя – Блок!
Мир был душен. Мир был тесен,

[11] Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 ноября 1980.

Выла пьяная пурга,
Но тоска метельных песен
И доныне дорога!
В них томилось и молилось,
Веря в некий добрый срок,
То, что в злую ночь лучилось
Кратким светлым словом – Блок.

А 4 ноября 1921 г. в столице молодой Абхазской республики состоялся вечер, посвященный памяти Блока. Газета «Голос трудовой Абхазии» писала тогда: «Интересными в литературном отношении были два доклада В.И. Стражева и Л.М. Римского... Была дана и литературная иллюстрация в наиболее характерных для поэта произведениях, переданных мастерски: Стражевым в лирической части с присущими этой стороне творчества поэта элегичностью и тихой мечтательностью, и Римским, сумевшим читкой «Двенадцати» и «Скифов»... оттенить всю ширь... темперамента поэта в революционном устремлении его пророческого духа»[12].

Другое, наиболее яркое выступление Стражева первых лет Советской власти в Абхазии состоялось ровно через год. 29 ноября, по инициативе совета Абхазского научного общества (АбНО), в годовщину смерти Л.Н. Толстого, во 2-м Гостеатре был организован вечер. Вступительным словом его открыл председатель АбНО профессор Г.А. Фальборк. На вечере с докладами «Творческий подвиг Л.Н. Толстого», «Философия Толстого», «Толстой в истории науки и воспитании», «Память Толстого», «Страница воспоминаний о Ясной Поляне» выступили В.И. Стражев, Д.В. Захаров, Г.А. Фальборк, Ф.Д. Авилов, А.П. Иващенко[13]. Вот что сообщалось по этому поводу в газетном репортаже:

«...Поднимается занавес: направо портрет Л.Н. Толстого, убранный зеленью; за столом президиум Абхазского научного общества. Торжественно, немного взволнованно, открывает председатель заседание – слово предоставляется Виктору Ивановичу Стражеву.

Тихо... Все замерло... Слова Стражева проникают глубоко, будят уснувшие струны, слышится музыка, красота и бесконечная глубина анализа человеческой мысли.

---

[12] Голос трудовой Абхазии. 13 ноября 1921.

[13] Там же. 29 ноября 1922.

Унеслись мы от будней, повеяло воздухом Ясной Поляны, тоской великого старца, ищущего истину своей мятежной думой. Чувствовалась буря неутомимой мысли, ее крики; казалось, лопаются оковы предрассудков. Он бежит, уходит от мещанства, идет искать истину, и не найдя ее, обрывается громкий стон его страданий.

Тихо... Что-то подступило к горлу... Все, что говорилось после В.И. Стражева, ушло из поля внимания»[14].

САО, Рабис, Наркомпрос (1921–1927)

В те годы сокращалось все, что только можно было сократить: «САО» – Сухумское артистическое общество, «Рабис» – работники искусства, «Наркомпрос» – Народный комиссариат просвещения... «САО» – было создано еще задолго до 4 марта 1921 года – победы революции в Абхазии. Активное участие в нем принимали В. Стражев, Н. Евреинов, А. Шервашидзе, Н. Бутковская, Арзамасов и другие. Так, газета «Наше слово» сообщала, что в апреле 1920 года состоялись следующие спектакли в постановке «САО»: А. Островский «Лес», М. Дрейер «Любовь в 17 лет», Л. Толстой «Власть тьмы», Г. Гауптман «Потонувший колокол»[15]. Но особенно деятельное участие в «САО», начиная с 1922 года, принимают И.Я. Збарский, Е.А. Лепковский, Ю.М. Даминская и Л.Н. Россова, организовавшие «Вечера художественных постановок». Первым спектаклем из этой программы была пьеса Семена Юшкевича «Король» в постановке и при участии заслуженного артиста Московского Малого театра Е.А. Лепковского, который был первым «королем», с огромным успехом выступившим в роли Гросмана в Одессе в 1907 году. 30 сентября 1922 года в 9 часов вечера во 2-м Гостеатре состоялся этот спектакль. Перед началом его несколько слов о «Короле» Юшкевича сказал В.И. Стражев.

Скоро в том же театре с успехом прошла пьеса А.П. Чехова «Дядя Ваня».

В 20-х годах на сухумской сцене прошли и пьесы В.В. Каменского. Радовали всех постановки первого рабочего театра Абхазии «Синяя блуза», в котором активное участие принимал М.Д. Хахмигери. На одном из выступлений этого театра после закрытия V Всеабхазского

[14] Там же. 3 декабря 1922.

[15] Наше слово. 7 апреля 1920.

съезда рабочие-актеры преподнесли синюю блузу их «почетному шефу» Н.А. Лакоба[16].

Во всех этих мероприятиях принимал деятельное участие В.И. Стражев, являвшийся с 1921 года заведующим подотделом искусств при Наркомпросе ССР Абхазии[17].

В сожженном по приказу властей Грузии в октябре 1992 г. Центральном государственном архиве Абхазии хранился ряд редких материалов, относящихся к первым дням установления Советской власти в крае. В.И. Стражев не только принял революцию, но и вложил много сил в строительство нового общества в Абхазии, в развитие народного образования, культуры и науки. Об этом свидетельствует, в частности, то, что уже 12 марта 1921 года на общем собрании работников школьного дела Сухума и его пригородов В.И. Стражев по поручению Наркома просвещения республики А.М. Чочуа выступил с докладом «Задачи школы в текущий момент»[18]. Тогда же, будучи заведующим отделом искусства, он предложил созвать общее собрание всех работников искусства Сухума, организовать художественный совет с единой целью – «искусство для народа», создать сухумский народный Дом искусств и рабочий клуб.[19]

Через два дня после этого совещания состоялось общее собрание членов Рабиса (работников искусства). Собравшиеся единогласно постановили – «обратиться к тов. Стражеву с просьбой передать Советской власти Абхазии», что все члены Рабиса «желают немедленно стать советскими служащими»[20]. На следующем заседании, 30 марта 1921 года, работниками искусства был заслушан доклад В.И. Стражева, а через несколько дней, 4 апреля, на заседании общего собрания Рабиса присутствовал Ефрем Эшба, который обратился «к представителям искусств как к работникам просвещения, заявляя, что со своей стороны правительство будет охранять» их интересы. Затем с докладом выступил Стражев, наметив обширную программу преобразований в области культуры: «1) пожелание сохранить старое ценное в искусстве; сохранение классического ре-

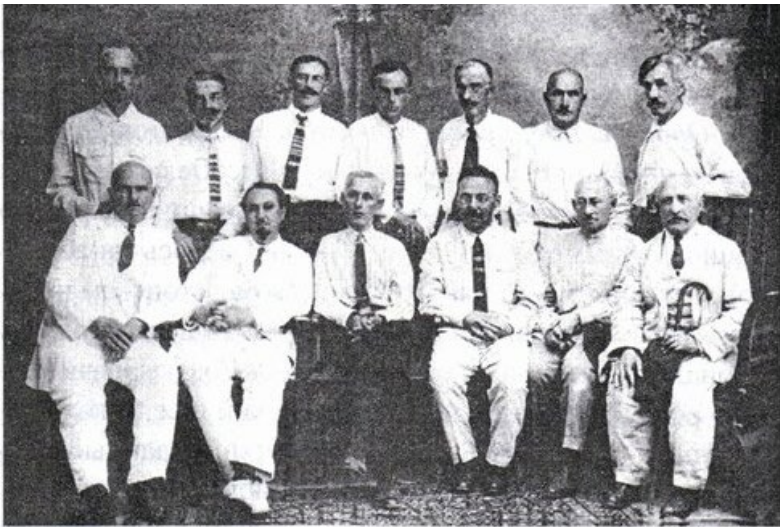
[16] Трудовая Абхазия. 5 февраля 1925.

[17] ЦГАА. Ф. 8. ОП. 1. Д. 31. Л. 12 об.

[18] Там же. Л. 2.

[19] Там же. Л. 12 и об.

[20] ЦГАА. Ф. 105. Д. 2. Л. 32 об.

1927 г. В. Стражев в кругу видных деятелей интеллигенции Абхазии. *Слева направо (сидят):* Р. Какуба, Г. Барач, В. Стражев, А. Чочуа, И. Маргания, Д. Гулиа. *Слева направо (стоят):* Н. Рябов, А. Евдокимов, Л. Захаровский, В. Малеев, М. Иващенко,С. Басария

пертуара; 2) тщательное отношение к новому искусству; 3) открытие художественных студий; собрание коллекций и устройство художественной выставки; организация артели художников; 4) организация народной консерватории; 5) о национализации кино и доходах от сборов для общего театрального дела; 6) о реорганизации цирка; 7) о сбережении драмы...; об организации режиссерской коллегии; 8) оставлении оперетты как театра политической сатиры; о поддержке оперетты; о передаче Интимного театра под разные секции и драматические студии».

В заключение тов. Эшба предложил следующую резолюцию: «Общее собрание поручает правлению Рабиса в заседании Ревкома провести национализацию театров Сухума»[21].

Собравшиеся поддержали эту резолюцию.

В том же месяце, 17 апреля, на заседании Отнароба (отдела народного образования) членами коллегии (С. Чанба и др.) были

[21] Там же. Л. 34, 35 и об.

утверждены заведующими отделами – Д.И. Гулиа (абхазская секция), А.М. Чочуа (единая школа), В.И. Стражев (научно-методический отд.)[22] и др. Спустя три дня после избрания Виктор Иванович на заседании союза Рабпроса сделал два доклада: 1) «Ближайшие задачи учительства» и 2) «Система Фрёбеля и Монтессори». При этом он пожелал создать в первую очередь пособие по «родиноведению для школ Абхазии»[23].

А 8 мая 1921 года по предложению Стражева в Сухуме открылась Народная консерватория Абхазии (просуществовала около года), одним из преподавателей которой был сам Виктор Иванович[24].

Вместе с М. Томарой и А. Захаровским много сил он отдал и централизации библиотечного дела в Абхазии, которая началась 6 августа 1921 года.

Самое непосредственное участие Стражев принимал и в становлении абхазского кино. Так, на заседании коллегии НКП ССР Абхазии под председательством А.М. Чочуа 14 октября 1924 года было решено: «Вследствие выезда тов. Чанба, в комиссию по организации кинодела в Абхазии назначить гр. Стражева»[25]. В этой связи небезынтересно будет отметить следующий важный факт. 31 мая 1926 года в Сухуме по инициативе Н.А. Лакоба был проведен конкурс под председательством Д.И. Гулиа на лучшую абхазскую кинодраматургию. Первое место на конкурсе завоевал С. Чанба (сценарий «Махаджиры»); второе – В. Стражев («Под шум прибоя») и третье – М. Лакрба («Отар»)[26].

Приближался 10-летний юбилей Великого Октября. Вся страна готовилась отметить эту знаменательную дату. Не осталась в стороне и Абхазия. 22 марта 1927 года состоялось организационное заседание Комиссии по празднованию 10-летия Октября при ЦИКе ССР Абхазии под председательством С.Я. Чанба. Причем во главе литературно-издательской и зрелищной подкомиссии, созданной при Наркомпросе ССР Абхазии, стояли А. Чочуа и В. Стражев, который разработал подробный план мероприятий. 13 мая им был сделан доклад.

---

[22] Там же. Д. 31. Л. 56.

[23] ЦГАА. Ф. 8. Д. 4. Л. 36–37.

[24] Там же. Ф. 8. Д. 1. Л. 87.

[25] Там же. Ф. 55. Д. 24. ЛЛ. 55–57.

[26] Алашара. 1975. № 2. С. 74–75; ЦГАА. Ф. 8. Д. 324. Л. 87.

В нем предлагалось организовать торжества в школах республики, включить «в программу театров и кино» пьесы и фильмы «местного творчества», выпустить юбилейный сборник «Октябрьская революция в Абхазии» (материалы по истории революции Абхазии, очерки и воспоминания революционных деятелей), создать краеведческую «школьную библиотеку Абхазии», открыть Музей Абхазии, устроить Абхазскую выставку...[27]

В результате осенью 1927 года в Москве на выставке «Искусство и литература народностей СССР» экспонировались следующие абхазские издания: С. Чанба «Дева гор», «Апсны ханым», Д. Гулиа «История Абхазии», «Божества охоты и охотничий язык у абхазов», «Как выбирать хорошую лошадь», «Я умер» (пьеса), «Абхазские поговорки и загадки»; А. Чочуа «Самоучитель», В. Стражев «Бронзовая культура в Абхазии», «Руинная Абхазия», «Горсть» (стихи), а также книги С. Басария, С, Ашхацава, Ю. Воронова, В. Малеева, М. Иващенко, Г. Барача[28].

Накануне празднования 10-летия Великого Октября В.И. Стражев в репортаже «Письмо из Москвы», помещенном 2 ноября 1927 года в газете «Советская Абхазия», писал: «С каждым днем учащенней биение сердца Союза, сердца Мировой Революции – Красной Москвы... Клокочет двухмиллионный город... В доме Герцена – объединенная выставка художественной литературы СССР по двум отделам: литературы на русском языке и литературы на языках национальностей, населяющих наш Союз... Предстоят насыщенные дни. Мы услышим гулкое эхо железного десятого шага Октября. Будет праздник... Скоро...»

Страж Абхазской старины

«В Сухуме, – писала журналист Зинаида Рихтер, – на набережной, в один из первых вечеров, любуясь экзотическими опахалами финиковых пальм, эффектно освещенными электрическими лампочками, лунной тропой в море над затонувшим, некогда пышным греческим городом Диоскурией, я невольно сказала своему спутнику, поэту Виктору Стражеву:

– Счастливый, постоянно живете среди этой красоты.

– А вы могли бы проводить день и ночь, месяцы, годы былых вре-

[27] ЦГАА. Ф. 8. Д. 275. Л. 1–5 и об.

[28] Там же. Л. 177 и об.

мен в Стрельне? Здесь та же Стрельна. Летом и зимой вечно видишь одну и ту же зеленую декорацию. Приезжие и курортные видят и знают Абхазию только с одной этой стороны: Абхазию – «Стрельну», вечнозеленую, феерическую, праздничную Абхазию, которую можно видеть с автомобиля»[29].

Эти годы для Стражева были еще важны его «загорной, зарубежной» тоской по России. Когда Зинаида Рихтер в 1923 году посетила Сухум, поэт в стихотворении «Абхазии» писал:

В душе – безгрёзно, безнапевно –
Горят вечерние огни.
Остыли северные дни
За гребнем лет, восставших гневно.
Давно я сам себе далек,
И стала сказкой жизнь былая.
Страна жемчужно-голубая!
Волной прибило мой челнок.

Но интересно то, что именно с этого времени начиналась на берегах древней Диоскурии новая жизнь Виктора Ивановича – жизнь археолога. Он неожиданно открывает для себя красоты Абхазии, ее гор, ущелий, рек, которые не увидишь из окна автомобиля. Сухумские декорации сменились красочными живыми картинами ее прошлого и настоящего.

11 ноября 1924 года состоялось общее собрание членов Абхазского научного общества (АбНО) под председательством Г.П. Барача, на котором был заслушан доклад В.И. Стражева «О Пицунде в историко-археологическом отношении». После собрания состоялось организационное заседание новой секции географии и этнографии Абхазии. В президиум этой секции были избраны С.П. Басария, В.И. Стражев и Л.Л. Захаровский[30]. «В 20-х годах..., – писали Л.Н. Соловьев и М.М. Трапш в статье «Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти», – были сделаны первые шаги в области абхазской археологии, систематических сборов, разведки и музейного хранения В.И. Стражевым и М.М. Иващенко...»[31]

[29] Рихтер З. Кавказ наших дней. 1923–1924. М. 1924. С. 93–94.

[30] Трудовая Абхазия. 12 ноября 1924; 15 ноября 1924.

[31] Труды АбИЯЛИ им. Д. Гулиа. Т. XXXII. Сухуми. 1961. С. 115.

В сентябре 1924 года Виктор Иванович принимал участие в организации и проведении I съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа в Сухуме. Съезд созывался в целях «надлежащей постановки изучения местного края и наилучшего практического использования местных богатств, а также распространения и популяризации идей краеведчества»[32].

Вскоре после проведения съезда постановлением Президиума ЦИКа ССР Абхазии от 1 января 1925 года при Наркомпросе республики была учреждена постоянная Абхазская «Комиссия по охране памятников искусства, старины и природы»[33].

Весной того же года (3 апреля) на первом заседании Комиссии под председательством А.М. Чочуа было решено «ближайшее руководство работами по охране памятников старины поручить т. Стражеву, а работами по охране памятников природы – т. Малееву». Им же было поручено редактирование Обращения к населению от имени Комиссии. В Абхазском госархиве хранился его проект, написанный рукой Виктора Стражева[34] и опубликованный 18 мая 1925 года[35]. В этом интереснейшем документе первых лет Советской власти в Абхазии трудящимся объяснялись задачи охраны памятников культуры. В нем, в частности, говорилось: «Абхазия богата памятниками старины и природы, имеющими высокий научный и художественный интерес и значение. Их бережная охрана и изучение должны быть признаны в культурном строительстве и росте республики большой и неотложной задачей». Обширное Обращение к населению подписали председатель Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы, нарком просвещения А.М. Чочуа и ее члены – В. Стражев, В. Малеев, Н. Патейпа и Л. Вучетич.

Здесь интересно будет отметить, что одним из первых на весть об учреждении Комиссии откликнулся еще в январе 1925 года князь Таташ Маршания, который предложил АбНО «имеющие большую ценность старинные предметы»: седло бывшего владетеля Дальской Абхазии, шашку и прочее. 20 января была составлена специ-

---

[32] ЦГАА. Ф. 2. Д. 259. Л. 9 и об.

[33] Там же. Ф. 105. Д. 10. Л. 84 и об.; Трудовая Абхазия. 1 января 1925.

[34] ЦГАА. Ф. 8. Д. 215. Л. 10.

[35] Там же. ЛЛ. 18–21 и об.; Чочуа А.М. Собрание сочинений. Сухуми. 1969. Т. 2. С. 359–362.

альная комиссия в составе С.П. Басария, В.И. Стражева, Г.П. Барача и Р.И. Какуба для осмотра этих вещей[36].

Сразу же по опубликовании Обращения к трудящимся республики с мест стали поступать в Комиссию сообщения о тех или иных памятниках старины и природы, расположенных на территории села, города или вне населенных пунктов. Так, житель Новых Гагр обратился в АбНО с предложением продать имеющийся у него «ценный мраморный барельеф с изображением Афродиты и Гермеса древнегреческой работы, найденный им в районе села Калдахвара при постройке железной дороги». Мраморная плита с художественными изображениями и надписями, обнаруженная в непосредственной близости от древнего города Питиуса, заинтересовала исследователей[37].

23 мая 1925 года председатель АбНО Г. Барач сообщил об этой находке председателю Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы А. Чочуа. А через месяц об уникальном античном барельефе было доложено Председателю Совета Народных Комиссаров ССР Абхазии Н.А. Лакоба[38].

В целях выявления и сохранения абхазских древностей Наркомпрос ССР Абхазии выдал «открытый лист» на археологические раскопки профессору Московского госуниверситета Алексею Башкирову (проводил их с 1 августа по 1 ноября 1925 года). 29 июля председатель АбНО Г. Барач писал в Комиссию, что «все материалы, которые имеют быть добыты его экспедицией на территории и на средства Абхазии... должны быть сданы в музей АбНО... Вместе с сим, так как права Главнауки РСФСР не распространяются на территории Абхазии, то присланный открытый лист проф. Башкирова в пределах Абхазии не может иметь силы и должен быть заменен открытым листом, выданным Комиссией по охране памятников природы и старины при НКПросе Абхазии»[39].

В экспедиции А.С. Башкирова приняли участие уполномоченный Наркомпроса, член Комиссии В. Стражев и представитель АбНО Г. Барач. 14 сентября по поручению Совнаркома ССР Абхазии они

---

[36] ЦГАА. Ф. 2. Д. 421. Л. 12–13.

[37] Там же. Ф. 8. Д. 215. Л. 26–27 и об.

[38] Там же. Ф. 2. Д. 421. Л. 20 и об.

[39] Там же. Ф. 8. Д. 215. Л. 30–31.

составили акт осмотра древностей Пицунды: храма, древнего водопровода, руин античного города, канала, соединявшего некогда озеро Инкит с морем. По поводу состояния Пицундского Успенского собора археологи писали: «Фрески пострадали от времени, но также и от безобразного отношения неизвестных лиц к художественной древности..., кем-то был сделан ружейный выстрел в лицо Христа в куполе..., фрески в приделе также пострадали от злоумышленников, которые выкололи глаза у человеческих фигур, местами фрески пострадали от револьверных выстрелов... Мы считаем необходимым усилить внимание к хранению редкостного памятника...»[40]. На основании этого акта (Башкиров, Стражев, Барач) 1 мая 1926 года был выработан проект постановления СНК ССР Абхазии о государственном Пицундском заповеднике, который развивал декрет ЦИКа об охране памятников искусства, старины и природы. Под защиту государства были взяты сосновые насаждения, а территория, занятая историческими и археологическими памятниками, объявлялась «охранным районом»[41].

Обследовав мыс Пицунда, ученые направились на осмотр памятников селения Лыхны – «древней абхазской столицы», 18 сентября они побывали в древнем храме и во дворце «абхазских царей». «Необходимо спешить, – писали исследователи, – с изучением фресок храма в самом срочном порядке, с калькированием их, снятием с них копий, тщательным фотографированием и изучением техники данной фресковой росписи как особого рода живописи». Башкиров, Стражев и Барач обращали внимание на плачевное состояние иконостаса, а охрану храма считали «лучше всего поручить священнику о. Антипу Сниада».

По поводу же дворца отмечалось, что он «своими фрагментами представляет исключительный интерес, как остаток древнего гражданского зодчества вообще на Кавказе...» В заключение археологи писали: «Означенное место как центр древней столицы Абхазии не может не интересовать абхазские научные круги и Абхазское правительство. Пора перейти от скудных сказаний древних писателей и филологических выкладок к действительным памятникам абхазской

[40] Там же. Л. 46–47.

[41] Там же. Л. 56 и об.

культуры...»[42]. И первым перешел от слов к серьезной научной работе Стражев, поместив в «Известиях АбНО» статью «Руинная Абхазия» с подробным обзором многих археологических памятников[43].

Стражев являлся своего рода посредником между АбНО и Наркомпросом Абхазии, направляя деятельность Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы. В 1926 году вышли в свет сразу две его работы: «Бронзовая культура в Абхазии» и «К Азантскому дольмену»[44]. Стражеву принадлежит (вместе с М. Иващенко) заслуга открытия колхидско-кобанской (если не считать случайных находок Миллера в 1907 году) и дольменной культур в Абхазии.

В архиве[45] хранился один интересный документ – мандат, подписанный А.М. Чочуа 28 июля 1926 года: «Предъявитель сего, Виктор Иванович Стражев, член Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе ССР Абхазии, имеет своей задачей обследование всех памятников древностей на территории Абхазии, имеющих историко-художественное, археологическое и научное значение... Просьба ко всем... оказывать т. В.И. Стражеву всемерное содействие в его работе». А интересен он тем, что выдан за день до поездки в село Азанта, в результате которой Стражеву, как он сам не без юмора писал, удалось снять с «Абхазии обвинение в бездольменности».

Стихи

В дооктябрьский период Виктор Иванович Стражев был широко известен как поэт-символист. В период с 1904 по 1911 годы в Москве были изданы три его поэтических сборника, философский диалог «О Метерлинке, Синей Птице и Вечном Младенце», а также двухтомник поэзии и прозы. Помимо этого, отдельные произведения поэта публиковались в многочисленных журналах и сборниках – «Новый путь», «Русская мысль», «Зори», «Перевал», «Юность», «Лебедь», «Слово», «Новое слово», «Корабли», «Корона» и других.

На самый первый сборник стихов Стражева Александр Блок от-

[42] Там же. Л. 49–50.

[43] Стражев В. Руинная Абхазия // Известия АбНО. Вып. I. Сухум. 1925. С. 131–169.

[44] Известия АбНО. Вып. IV. Сухум. 1926.

[45] ЦГАА. Ф. 8. Д. 258. Л. 12–13.

кликнулся в 1905 году рецензией[46]. А чуть позже, осенью 1906 года, молодые люди, почти ровесники, познакомились на одном из многолюдных вечеров в Петербурге, где Блок читал прославленную «Незнакомку» в присутствии великих русских писателей И.А. Бунина и А.И. Куприна[47]. Вскоре после этого знакомства Виктор Стражев издал второй сборник стихов. А летом 1907 года Блок опубликовал статью «О лирике», в которой подробно разобрал произведения современных ему поэтов – К. Бальмонта и И. Бунина, С. Городецкого и С. Соловьева, Ф. Сологуба и...

«Хорошо озаглавил свою вторую книжку Виктор Стражев: О печали светлой, – писал Александр Блок. – Это из пушкинского стиха. Маленькая книжка заставляет совсем забыть первые и очень неудачные опыты поэта... Душа новой книги – лирическая душа... Лучшие строки Стражева о природе: «Светит ясною росинкой глубь зацветшего куста», или: «И затопила дебрь лесная меня густою тишиной», или: «Заночевали легким станом летуньи-тучи в вышине», или:

Звоны, певы, гулы, гуды
В тишине полей плывут.

Очень целен и свеж отдел «Шестопсалмие». И вся книжка свежа и проста, как ее белая одежка, – в ней думно и светло…»[48].

В том же году состоялась вторая и последняя встреча Блока и Стражева в Москве, на квартире писателя Н.Е. Пояркова, где было задумано издание литературного сборника «Корабли» с участием В. Иванова, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, В. Стражева, Ф. Сологуба, М. Кузмина, К. Бальмонта, И. Бунина, Б. Зайцева и др.

Но знакомство двух поэтов продолжалось и в последующее время. В июле 1908 года Блок издал сборник стихов «Земля в снегу», посвященный актрисе Н.Н. Волоховой. Первым откликнулся на книгу великого поэта Стражев. Это становится ясным из письма, датированного 14 сентября того же года:

---

[46] Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 5. М. – Л. 1962. С. 563–564.

[47] Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 сентября 1980; Литературная Грузия. 1980. № 11.

[48] Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 5. С. 157–158.

«Многоуважаемый Виктор Иванович. Спасибо Вам за Ваши милые слова – первый отзыв о «Земле в снегу», какой я слышал, очень приятен для меня. Посылаю Вам маленькое стихотворение для «Северного сияния», которое очень меня интересует. Жалею только, что «без политики», знаю, впрочем, что теперь за всякую политику сцапают. И все-таки очень мечтаю о большом журнале с широкой общественной программой, «внутренними обозрениями» и т. д. Уверен, что теперь можно осуществить такой журнал для очень широких слоев населения и с большим успехом... если бы не правительство... Я сейчас в деревне (...с. Шахматово), а к 1 октября примерно вернусь в Петербург... Если успеете, напишите мне два слова сюда. Искренне уважающий Вас Александр Блок»[49].

Изданием журнала «Северное Сияние», его программой руководили художник и искусствовед, глава и идеолог группы «Мир искусства» А.Н. Бенуа, известный литературный критик Ю.И. Айхенвальд, художник И.Я. Билибин и В.И. Стражев, заведовавший в нем литературным отделом.

Однако «Северное Сияние» успеха не имело и через год перестало существовать. Во втором его номере, за декабрь 1908 года, Стражев поместил стихотворение Блока «Воспоминание» о Волоховой, присланное осенью в письме и представляющее, видимо, последнюю редакцию стихотворения «Я помню длительные муки» (написано 4 марта 1908 года)[50].

А через год в Киеве была издана «Антология современной поэзии», в предисловии к которой сказано: «Великое обновление искусства, совершившееся накануне XX века, расковало и раскинуло много шире кольцо красоты, обручающее искусство с жизнью». Наряду со стихами В. Соловьева, А. Белого, А. Блока, М. Волошина, И. Бунина, В. Иванова, в ней широко представлено и творчество Виктора Стражева.

Дореволюционная деятельность поэта завершается первым томом стихов, изданным в Москве в 1910 году. «В этой книге, – писал Виктор Стражев, – я собрал значительную часть моих стихов из тех, что за период 1904–1909 гг. были напечатаны в разных изданиях...».

---

[49] Там же. Т. 8. С. 253–254.

[50] См. об этом подробнее: Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 сентября 1980.

К сожалению, объем данной работы не позволяет подробно остановиться на произведениях поэта первого этапа. В то же время стоит привести здесь наиболее интересные стихи Стражева первого десятилетия XX века.

И ты. И сумерки. И млеющая тишь.
Вокруг снега – и сны, и тайна.
А ты кого так зорко в небе сторожишь?
Молчишь. Загадочна. Необычайна.
На стихи поэта написаны русские романсы:
Они стояли молча. И плакала она.
И тихо плакал ветер у темного окна.
И улица рыдала огнями фонарей.
И плыли мимо пятна неведомых людей.
И грустно-грустно было у темного окна.
Они стояли молча, и плакала она.

Второй этап творчества Стражева, в отличие от первого («московского»), можно назвать «абхазским» (1916–1927). В эти годы с особенной силой раскрылся поэтический дар Виктора Ивановича. В 1923 году он переводит с абхазского на русский язык поэму С.Я. Чанба «Дева гор» и тогда же издает в Сухуме свой сборник стихов «Горсть». Спустя полвека после выхода в свет этой книги доктор филологических наук Х.С. Бгажба в работе «Этюды и исследования» заново открыл ее для читателя, опубликовав несколько замечательных произведений из сборника – «Махаджир», «Аслан-бей», «Абхазии», «Толумбаш». Не менее интересны и такие стихи, как «В горах», «Диоскурия», «Ра», «Горе», «В море», «В ущелье»...[51]

Стражев с уважением относился к народным обычаям, связанным с гостеприимством, почтительным отношением к старикам… Вместе с тем о некоторых излишествах за пиршественным столом поэт не без юмора пишет в стихотворении «Толумбаш». Занимаясь археологическими исследованиями в Абхазии вместе с М. Иващенко и другими исследователями, они не раз оказывались в плену гостеприимства. Вот как Стражев разъясняет слово «толумбаш»:

[51] Лакоба С. Поэт, ученый, педагог // Советская Абхазия. 30 января 1980.

«Предводитель пира, хозяин стола. Его счастливой, но суровой власти пирующие обязаны подчиняться, по традиции, беспрекословно, его торжество – последняя, осушаемая им чаша, после того как остальные «изнемогли».

Это шуточное стихотворение, в вечерние часы отдыха, во время полевых раскопок, стало своеобразным «гимном археологов».

«Закон стола» хранил я строго
И не считал заздравных чаш.
И за Апсны я пил из рога…
Но пощади же, толумбаш!
Гляди: вокруг – как поле боя.
А бой был долог и жесток!
И в окнах – утро голубое,
И весь исстрелян потолок.
Ряды пирующих, редея,
Изнемогли уже давно…
Нет! Лей мне лучше яд Медеи,
Чем гудаутское вино!

Завершает сборник «Горсть» поэма «Песнь о голубоглазом». Она перекликается с «Песней о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе И. Бунина (1891). Свежестью и первозданной лиричностью веет от этой живописной поэмы:

Позабывши сам – откуда,
Он прибрел тропинкой горной,
Древних рас живой осколок.
Море синее шумело
У подножья гор зеленых.
И приморье полюбилось.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дремный шепот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет –

Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалека.
Он у горного потока
Научился злой отваге.
Подглядел у легкой серны
Тайну легкого копыта.
Слушал ветер он унылый,
Тот, что плачет по ущельям,
Стал, как ветер, плакать песни.
И глядел он долго-долго
Прямо в небо голубое –
И глаза заголубели
И остались голубыми
Оттого, что долго-долго
Он глядел упорно в небо.

Увлеченность историей Абхазии определила тему многих стихов поэта. Особенно хочется отметить неопубликованный цикл Стражева «Диоскурийские сонеты», начатый в 1923 году в Сухуме и завершенный в 1939-м году в Москве. Из пятнадцати произведений девять сонетов Виктор Стражев написал в Абхазии, а остальные – в России под явным впечатлением от одиннадцати лет пребывания в древнем городе. Яркие уличные картины более чем двухтысячелетней давности предстают перед нами. Будто вступаешь в мир прошлого, его романтическую мифологию. Вместе с тем в сонетах глубоко выражена и своеобразная личность самого поэта, его переживания, мысли... Во вступлении «Я и Он» Стражев говорит:

Здесь жизнь когда-то плакала и пела,
– Мечталось мне на берегу морском, –
Томило смуглое и радостное тело,
Стучала молотом, звенела барышом.
……
Не раз, под гравием, разрыхливши песок,
Я находил узорный черепок...
Под шум прибоя, в немь тысячелетий
В твоей ладье я уплывал, сонет!

И мне мерцал диоскурийский свет...
И я мечтал себя в неведомом поэте.

В «Диоскурийских сонетах» Стражев набросал образ человека-изгнанника, выходца из Милета, вынужденного покинуть свою отчизну и поселиться на время в Диоскурии. В выходце из Милета можно без труда узнать самого поэта, который прожил в Абхазии, на Кавказе, более десяти лет. В сонетах как в зеркале отражено душевное состояние Стражева тех лет, ностальгия по родной России. С особенной силой эти чувства выражены в стихах «Письмо на родину. К матери», «Перед разлукой» и в «Отплытье»:

Корабль плывет, и берега, чуть млея,
Вот-вот – я жду – истают навсегда.
Над зыбью гор, где стоны Прометея,
Затеплилась вечерняя звезда.

Так сам он отплывал на пароходе из Сухума «в нежный и теплый синий вечер» 1927 года. Отплывал на свою родину и вспоминал Абхазию. А потом в России совершенно неожиданно для него самого выплеснулись «Московские письма», в одном из которых он «сильно почувствовал себя абхазским «махаджиром».

«В зыбке над Гзыбью...»

Стражев был не только поэтом и переводчиком, но и прозаиком. Его лирические рассказы «Снег», «Боги», «Давно-недавно», «Ая», «Голубой огонь»[52], написанные в период с 1906 по 1910 годы, сразу же привлекли внимание известных русских писателей.

Прозаические произведения Виктор Иванович Стражев писал и в Абхазии. Но, к сожалению, рассказы, созданные им здесь, пока не обнаружены исследователями. Сохранились лишь подшивки старых номеров газеты «Советская Абхазия», в которых мне посчастливилось отыскать серию неизвестных очерков писателя под общим названием «В поисках старины». Они представляют не только научный, но и литературно-художественный интерес. Необходимо заметить, что толчком к их написанию послужил факт создания в 1925 году Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы.

[52] Стражев Виктор. Рассказы. М. 1911.

О том, как была открыта в Абхазии колхидско-кобанская культура, Виктор Иванович очень образно рассказал в очерке «Два дня в бронзовом веке»[53]. Получив в мае 1926 года сообщение из сел Баклановка (Аацы) и Петропавловка Гудаутского района о находках бронзовых топориков, кинжалов, наконечников пик и стрел, Стражев вместе с представителем от АбНО М.М. Иващенко выехал «на таинственную бронзу». В Петропавловке им вручили древний топорик с рисунком, который поверг краеведов в «бронзовую лихорадку». Находка превзошла все ожидания: «Памятники кобанской культуры в Абхазии – это было слишком большое событие для нашего археологического сердца!». Но крепкие сердца исследователей выдержали эмоциональный взрыв радости. Переночевав в с. Баклановка, рано утром они двинулись в путь: «Снеговые горы с четким абрисом вершины "шапки Сефер-бея" – не оторвешь глаз... Настроение бодрейшее. Собралась школьная детвора. Человек пятнадцать идет с нами "на экскурсию". Купили свечей для осмотра крепостного подземелья. Главный проводник – Миха Зухба, в почтенном возрасте 13-ти лет...

Это огромное удовольствие... – переходить широкую, холодную и быструю горную реку по каменистому дну и открывать в себе цирковые способности балансировать. Мы проделали это очень весело и с большим успехом, перейдя р. Апсту... Перед нами, совсем близко, невысокий кряж Абгархук. Через час мы стоим перед отвесной дикой скалой, на вершине которой полуразвалившаяся крепостная башня. Берем крепость... На осмотр и обмер стен и башни, на заслуженный отдых и на любованье окружающим горным чудесьем уходит добрый час. Спускаться – хуже. Одну ногу поставишь, а другую – девать некуда. Оборваться не хочется – тогда никогда не вернешься в Сухум... На пути спуска – каменная пасть. Похоже на эпический вход в подземный мир. Вообще, пахнет Гомером... Когда я задумчиво повис в каком-то невесомом месте.., опередивший меня иронически кричит:

– Ну, смелее! А еще в Швейцарии бывали!

– Да я по Швейцарии-то в вагоне ездил! – Смущенно оправдываюсь я.

Когда спускаемся по ложу ручья, проползаю под какой-то перекладиной, и вдруг слышу сзади окрик:

---

[53] Трудовая Абхазия. 11 мая 1926.

– Осторожней! Это – капкан!

Объяснили, что это приспособление для ловли дикого кота. Хорошо, что я не дикий кот: пропал бы непременно... Мальчуганы идут шеренгой, перевившись руками, поют "Интернационал". Им – большая благодарность: они не только путеводители и отличные спутники – они в дороге рассказали любопытные местные предания о крепости, которую мы осмотрели. Краеведение без них не обойдется...»

А спустя несколько часов «машина времени» перенесла археологов из прошлого в настоящее. И Стражев очень метко заметил: «Около десяти вечера афонские огни вернули нас из века бронзы в век электричества».

Прошло больше года. В начале августа появился новый очерк Виктора Стражева «В поисках старины»[54]. Его археологический союз с М.М. Иващенко продолжался. «Если иметь пару приличных ног, – писал с юмором Виктор Иванович, – два жадных и веселых глаза, не совсем еще изношенное сердце..., то, пользуясь летним досугом и твердо установившейся погодой, поучительно, приятно и похвально побродить по Абхазии».

Сладив свою «экспедицию в четыре ноги», Стражев и Иващенко добрались до сел. Ольгинского в Цебельде. Их гостеприимно встретила усадьба Вороновых, где стоял древний с гигантским шатром орех. «Прекрасны эти эпические древесные великаны Абхазии! – писал Виктор Стражев. – Лежа у их корней, под мудрым молчанием листвы, ясно и просто понимаешь языческий культ деревьев... О священных деревьях и рощах на нашем побережье мы имеем целый ряд исторических свидетельств; мистика леса, в пережитках, жива и до сих пор в народной традиции. Шатер дерева был местом священнодействий, местом народных собраний. Головы жертвенных животных, оружие, – всякие другие обетные приношения вешались на ветвях, втыкались в ствол, – и вор не смел к ним прикоснуться, никто не мог обломать ни одного сучка. Лоскуток одежды больного привязывал болезнь к дереву, в котором жил «дух». Есть старое литературное указание, что в Абхазии священная роща давала преступнику неприкосновенность, право убежища».

Несколько дней они бродили по цебельдинским местам, вспоминали «непокорный старый Цабал, бывшее царство феодального

[54] Советская Абхазия. 6 августа 1927.

рода Маршан», вспомнили, что здесь воевал декабрист «Марлинский, литературная знаменитость эпохи Пушкина», видели множество «немых руин» и с горечью думали: «Нынешнее население Цебельды – армяне и греки – не помнит и не знает ничего. Теперь здесь все – табак». Стражев и Иващенко обследовали храм, описанный еще в 80-х годах XIX в. графиней П.С. Уваровой, крепость, взбирались на пирамидальную гору Адагуа, где, якобы, есть плита с надписью: «О, ради надписи мы готовы полезть на что угодно! Абхазия не богата памятниками эпиграфическими, а для разгадки ее древностей они так нужны, так ждутся и ищутся, так снятся... Трудно дается гора... лезем прямо в раскаленную пасть солнца. Ноги слабеют и подгибаются, мучит жажда, дьявольски мучит – за кружку студеной воды отдал бы, кажется, целую букву из той "надписи", что на вершине». Но на вершине, кроме «смутных остатков» фундамента, ничего не оказалось. Погрустили, полюбовались панорамой гор и моря пошли обратно, к реке Кодор. Их «ноги торопились сами, как усталые лошади в родную конюшню». Спустились к развалинам крепости Больших Краевичей – Цибилиуму, которую раскапывали потом археологи Ю. Воронов, О. Бгажба, Н. Шенкао... Уже тогда Виктор Стражев писал, что таинственные находки, сделанные здесь, «не позволяют сомневаться в большой культурно-исторической значимости этого уголка Цебельды и требуют к нему особого научного внимания». А чтобы науке не достались «развалины развалин», необходимо «поспешить с тщательным и систематическим археологическим обследованием, повести глубокие раскопки, и не будет удивительным, если одна из темных и непрочитанных страниц истории Абхазии... осветится и прочтется...».

Продолжил историко-краеведческую тему второй очерк Стражева «В поисках старины», появившийся через три дня после первого – 9 августа 1927 года[55]. Он открывается живописным, музыкальным холстом, в котором слились и проза, и поэзия: «Утро. Чуть дождит. Небо то мглится, то голубеет... Спустились к Амткелу... Дыбится лесистый Пал. По каменистому ложу чудесно шумит река.

Неожиданно в звуки воды вливаются звуки шарманки. Медленно, с непокрытой головой, бредет от мельницы по берегу коренастый человек, вертит шарманку – играет сам для себя. Вероятно, в нем

[55] Советская Абхазия. 9 августа 1927.

поет перебродивший виноградный сок, вероятно, ему стало хорошо и грустно. Под шарманку и гул Амткиала встают в памяти вёсны молодости, родной и далекий северный город и что-то еще, многое...

Идем, переходим мост, подымаемся и долго обходим гору. Справа, глубоко, чуть шумит Амткиал, бегущий в Кодор. Прямая ровная лесная дорога ведет и ведет. Поворот влево, – и вот она, Багадская скала. Надвинулась дождевая туча, и мы быстро-быстро узким карнизом, свисающим над жуткой крутизной, пробираемся не без опаски: всего чаще именно в дождь падают здесь камни... С балкона постового дома любовались грандиозным зрелищем: вздымалась великолепная Багада в чалме грозовой тучи, в слепительном блеске молний. Почему сухумцы не паломничают к Багаде? Непонятно».

О Стражеве можно говорить как о большом мастере лирического пейзажа. Язык писателя отличает лаконичность, образность, прозрачность. Как стихи в прозе читается отрывок, построенный на рефренах: «Лошади шли без передышки. Мы не отставали. Долго тянулось селение Латы. Шли. Кодор становился все шумливее. Шли. Припадали жадно к холодной воде родников, сочившихся из мшистых скал. Тропа змеилась, горбатилась, иногда сползала к самой реке. Радость для глаз не кончалась. Шли. Уже низко было солнце, когда остановился наш караван... Дальше лошади не шли».

К вечеру археологи добрались до урочища Куабчара, где и заночевали «под золотым бисером неба». А утром двинулись в сторону Чхалты. «Что за веселая, шумливая река! – восторгался ею Виктор Иванович. – Мчит она из-под Маруха свою ледяную воду, почти оттуда же, откуда гордо-девственная Бзыбь несется на запад. Но Бзыбь державна до конца – до моря. А Чхалта... Вот здесь, на глазах, в ледяной своей страсти, отдает она себя красавцу Кодору. Здесь, в Кодоре, – конец веселой Чхалты! Над их слиянием – древняя, никем не изученная крепость. Массивная кладка стен свидетельствует о глубокой строительной традиции. Это, по меньшей мере, рука Византии». Недалеко от крепости они обнаружили не отмеченный в литературе храм, осмотрели древнюю Амзарскую церковь. Обследовав Дал и Цабал, ученые двинулись в Сухум, а затем в Пицунду, Гагру и Бзыбь.

Впервые Виктор Стражев побывал в Пицунде в 1925 году вместе с экспедицией АбНО. Ехали они тогда катером из Гудаут. Попали в шторм. В первую же ночь на мысу экспедиция подверглась напа-

дению бандитов. Виктор Иванович заболел здесь тропической малярией. Вторая поездка в Пицунду состоялась летом 1927 года[56]. Поэт и археолог приехал сюда на автомобиле, переправившись на пароме через Бзыбь. «Удивительное и глубокое чувство рождает Пицунда, – писал он. – Бродишь по земле, насыщенной таинственной древностью Великого и Богатого Питиуса, любуешься блистательным мастерством византийского зодчества, кочуешь по сосновой роще, этой драгоценности... Абхазии... Изумительно прозрачна вода в тишайшем, серебряном от солнца, заливе. Пустынность. Безмолвие. Грусть веков. Еле слышны сосновые вздохи. Темные громады далеких гор, застилающих север».

Стражева глубоко заботило будущее Пицунды – «естественного музея Абхазии». Он был против строительства здесь лесопильного завода, различных хозяйственных строений: «Если бы я был власть, я объявил бы весь пицундский мыс заповедником, отремонтировал старые монастырские здания и устроил в них дома отдыха и нашел бы средства для того, чтобы с помощью археологической лопаты попытаться прочесть тайны пицундской земли. Пицунда стала бы интереснейшим местом всего Союза...».

Говоря о средствах на раскопки, В. Стражев имеет в виду прежде всего доходы от многочисленных организованных экскурсий. Еще 10 марта 1925 г. на заседании совета АбНО он впервые высказался за научное руководство экскурсантами и организацию в республике экскурсбюро[57].

Так пророчествовал поэт. А Пицунда, о которой он мечтал, станет всесоюзным и международным курортом.

Скоро археолог обследовал крепость и развалины храма у моста через Бзыбь. «Бзыбские древности – чрезвычайного интереса, – писал он. – Трехнефный храм – один из лучших памятников руинной Абхазии. Великолепный материал, высокая техника кладки, резные сохранившиеся камни оконных наличников в алтарной части, весь комплекс окружающих сооружений убеждают, что в этом районе Бзыби имела место богатая историческая жизнь».

Ранним утром он двинулся вверх по реке, в урочище Хасант-абаа. Там, «над бездной», поэтом было создано совершенно замечатель-

[56] Советская Абхазия. 11 августа 1927.

[57] ЦГАА. Ф. 2. Д. 421. Л. 19.

ное творение: «Ущелье Бзыби необычайно красиво. На пути встречался самшитовый старый лес. Приветливой волной шумела Бзыбь. Отшагав верст восемь, на противоположном берегу, на крутой и одинокой горе, отбежавшей от побережного массива, увидел мрачную высокостенную крепость, на которой вздымалась, как длинная шея, глухая башня. Веяло романтикой феодализма. Но между мной и крепостью бурлила непроходимая Бзыбь. Где же паром? Как перебраться?

Судьба смилостивилась: из лесу вышло мое счастье – маленький абхазец-мальчик с пустой корзиной. Ему тоже надо было на тот берег. Я объяснил ему свое затруднение со всем мимическим красноречием. Он, видимо, понял, но минут пять молча и серьезно рассматривал мою персону во всех подробностях. Потом вложил пальцы в рот и свистнул. Вот это свист! Так, вероятно, свистел былинный Соловей-разбойник.

На том берегу замаячила фигура, подошла к реке, нырнула в люльку – и черный паук пополз по канату... Уплотнились свыше нормы, некоторые мои оконечности торчали на воздухе. Завертелась ручка, заскрипели колесики, качаясь поползли над бездной. Мальчик-абхазец остался на второй рейс. Поглядел вниз, поглядел вверх – решил никуда не глядеть. В сознании промелькнула вся прожитая жизнь. Захотел сочинять предсмертные стихи, чтобы чем-нибудь заняться на воздушном досуге. Сочинил:

В зыбке над Бзыбью зыблюсь.
Миг! – и я в Бзыби урыблюсь.
Зыблюсь над Бзыбью в зыбке.
Понравлюсь ли бзыбской рыбке?

Когда оказался на твердой суше левого берега, робко пощупал себя: я или не я?».

Изучив крепость на левом берегу Бзыби, Стражев вернулся обратно: «Вечером сидел в калдахварском духане, слушал от молодого абхазца сказания о нартах, вертел в руках бронзовый браслет, найденный где-то поблизости».

На следующий день поэт добрался до Черной речки, где в отвесе скалы застыл «таинственный неприступный «монастырь». На ночь он остановился под гостеприимным кровом З.Н. Бения в селе Отха-

ра, а утром осмотрел дольмены и «неведомую в литературе разрушенную крепостцу…»

Абхазский «Махаджир»

К теме махаджирства Виктор Стражев обращался неоднократно. Переселение в Турцию до наших дней осознается в Абхазии как национальная печаль (XIX в.), писал поэт в сборнике «Горсть» (1923) в послесловии к стихотворению «Махаджир».

…Земли моей я взял и на чужбину –
Священных семь горстей.
«Вот все, что я сберег, – скажу угрюмо сыну, –
От родины твоей».

Горсть... Сам поэт ее тоже увез из Абхазии в Москву в 1927-м. Он как бы «сопережил» со всем народом страшное горе, оставив свою вторую родину, где, может быть, и прожил свои самые счастливые дни. Но об этом Виктор Стражев узнал позже. Он почувствовал ностальгию далеко от Абхазии, в самом сердце России – Москве. Вот что он писал в одном из «Московских писем»[58] 9 октября 1927 года.

«Пишу вам, милый сухумец, из бурной гущи Москвы. Простите за то, что первое это письмо – очень личное. Но что делать, если с кончика пера сочится воспоминание о тех одиннадцати годах жизни, с которыми навсегда попрощался я с палубы парохода в нежный и теплый синий вечер – вечер разлуки с вами. Посмейтесь над моим «карамзинизмом»..., – есть вещи, от которых не освобождается никто, и среди них та, которую мы называем разлукой... Я как-то очень сильно почувствовал себя абхазским «махаджиром», которому уже не доведется бродить по Абхазии, в ее горных дебрях, волноваться загадками ее истории, писать и думать о ней и для нее, подставляя лицо ласке ее неба и так неслышно старея... Странно! Жил в Абхазии и таил в себе чувство какой-то плененности, вздыхал стихами о севере, о снежных вьюгах, о золотых осенних бульварах Москвы.

Но вот теперь, когда «добропутные» ветры пригнали мой «корабль» к подножию Кремлевских стен, встает в памяти далекая Абхазия...»

[58] Советская Абхазия. 23 октября 1927.

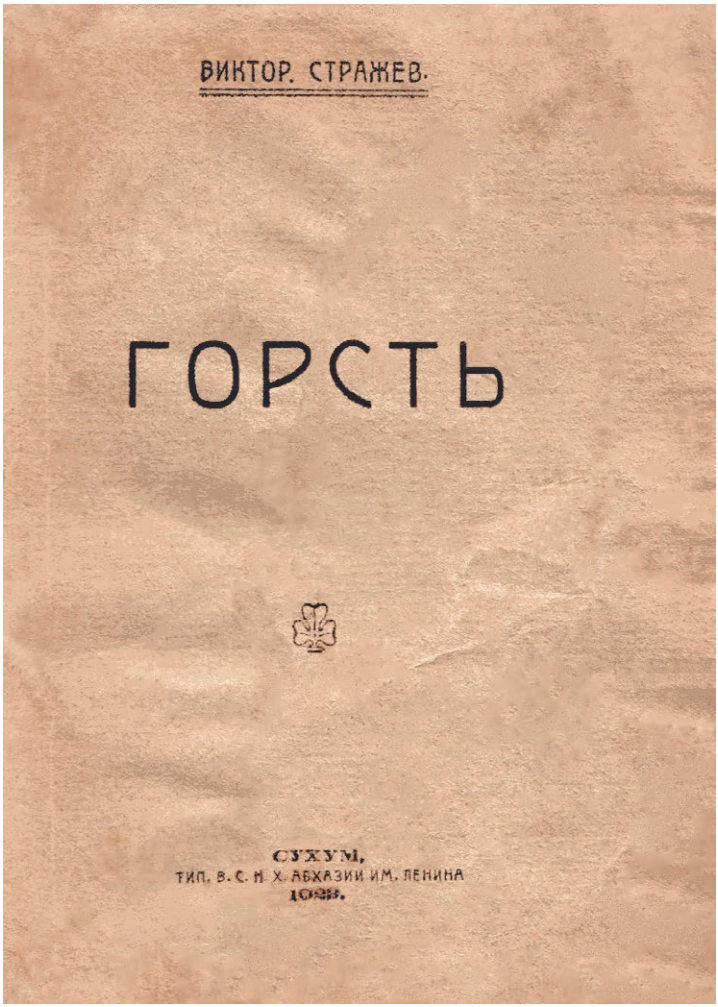
…За несколько дней до смерти В.И. Стражев оставил четверостишие:

Как же, когда же
Все я изжил?
Виктор ли Стражев
Тот, кто без сил?

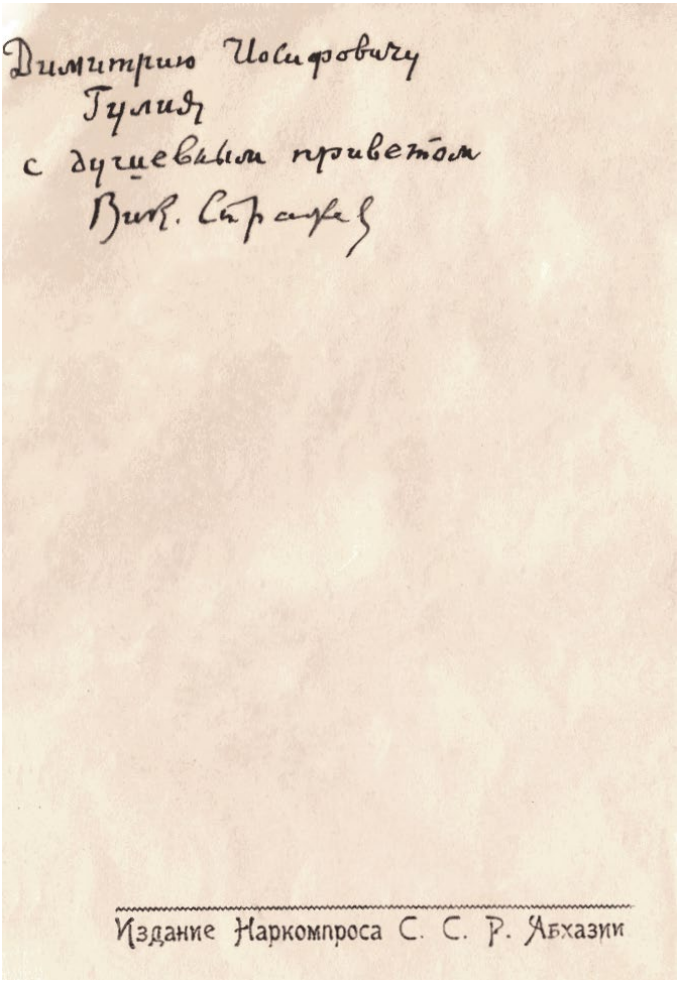
Умер он в Москве осенью 1950 года. «Учительская газета» (21 октября) сообщала тогда: «Прекрасный знаток родного слова, Виктор Иванович всю свою жизнь посвятил литературе и школе… Много лет уже работает советская школа по учебнику русской литературы XIX в., написанному В.И. Стражевым… Виктор Иванович проявил себя не только как блестящий педагог, но и как поэт, прозаик, археолог, критик, переводчик и библиограф».

Блестящий представитель русской интеллигенции внес огромный вклад и в российско-абхазские культурные взаимоотношения.

Печатается по изданию: Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья / Отв. ред.: Скаков А.Ю. Т. 1. Абхазия. М.: Институт Востоковедения РАН. 2013. С. 141–171.

Обложка оригинального издания 1923 г.

Дарственная надпись В. Стражева Д.И. Гулиа
(экземпляр хранится в Доме-музее Д.И. Гулиа)

АБХАЗИИ

В душе – безгрёзно, безнапевно
Горят вечерние огни.
Остыли северные дни
За гребнем лет, восставших гневно.

Давно я сам себе далек,
И стала сказкой жизнь былая.
Страна жемчужно-голубая!
Волной прибило мой челнок

На кружевное побережье,
Под сень твоих зубчатых гор,
Где на сверкающий простор
Вскрылило гордо белоснежье.

Тебе, крылящей в высь Земле,
Несу мой пев – благодаренье
За море, солнце и цветенье
Фиалок синих в феврале.

Здесь – лепестки от розы снежной.
Прими их ласковой рукой.
Они еще влажны тоской –
Моей, загорной, зарубежной.

МАХАДЖИР

Завесил вечер синими чадрами
Родные берега.
Но все горят – горят прощальными кострами
Высокие снега.

Певуча снасть турецкой бригантины,
Но в сердце громче стон.
Под пеплом розовым далекие вершины –
До гроба сладкий сон.

Свежеет ветр. И плакать перестали –
Слезами что вернуть?
Аллах! Аллах! Мой путь – в неведомые дали.
Благослови мой путь!

Земли моей я взял и на чужбину
Священных семь горстей.
«Вот все, что я сберег» – скажу угрюмо сыну –
«От родины твоей».

АСЛАН-БЕЙ

Подъехал он – и сердце перестало биться.
Взглянуть ему в глаза? Сказать привет? Нет сил.
Он молвил тихо: «Дай, красавица, напиться».
Ах, почему он жизнь мою не попросил!

Ему воды я принесла и расплескала...
Он выпил жадно. Стремя подтянул.
«Храни Аллах! Из всех аулов Дала
Завидней всех счастливый твой аул».

Взмахнул рукой. Умчался легкой птицей.
И снова сном моим лучистым стал.
Мой свет! Аслан! Я верю небылице:
Отцовской кровью плачет твой кинжал!

Ах, о тебе, орле, поверю всякой сказке!
Не ты ль проехал здесь – и солнце подарил? –
Завидуйте же все – мне, девушке-абхазке:
Сейчас из моего ковша он воду пил.

EX ORIENTE MORS

Cales venenis… Golchicis
Horatius
В Колхиде стояли
римские гарнизоны.
Откуда-то

– Ты желт и сух, как лист осенний.
Ты слаб! Ты весь горишь в огне!
«Не надо. Не помогут пени.
Ничто уж не поможет мне.

Отравлен я колхидским ядом.
Затихнет скоро жизни гул».
И в даль ушел он долгим взглядом
И в думной глуби потонул.

День догорал в костре заката.
Ночь налетала из-за гор,
Широковейно и крылато.
И вдруг зажегся мутный взор.

«Гляди – серебряные птицы!..
Гляди орлы… орлы летят!..
И Цезарь мой на колеснице!
И Рим!.. О. нет!.. Колхидский яд!

Не шум на форуме... Другое! –
Шумит понтийская волна»...
И снова смолк. И звездным роем
Над ним клонилась тишина.

В последний раз вернулись силы...
Но чуть был слышен шелест слов.
«Не надо слез, товарищ милый!
Давно я встретить смерть готов.

Глядел ей в очи, не робея,
И там, где жжет ливийский зной,
И там, в далекой Иудее...
И вот она – передо мной!..

Но если... если бы сказала:
“Взгляни... на Рим... в последний раз”...
Ах, Авентинский холмик малый
Я не отдам за весь Кавказ!

Мой Цезарь! Стой неколебимо!
Ты слышишь, дивный властелин?
Держу твой меч на страже Рима
У Прометеевых вершин!»

И смерть в уста поцеловала.
Склонилась ниже тишина.
Заплакал дальний вой шакала,
И пенно вскинулась волна.

ДИОСКУРИЯ

Великоблеск ее потух.
Волна веков следы размыла.
На дне морском – ее могила.
И только имя сытит слух.

Кочует, зыблясь, по ночам
На лунном море рой видений:
Трирем скитальческие, тени
Плывут к колхидским берегам.

И слышен долгий-долгий зов
Гостей далекого Милета.
Но берег нем – и нет ответа
На зов от праха земляков.

Так излучилась без следа
Звезда понтийская Колхиды.
Но в небе светят Тиндариды –
Их двоеокая звезда!

***

Тысячелетнее солнце очи твои ожигало.
Тысячелетнее море думы баюкало, пенясь.
Тысячелетнее сердце душу твою пепелило.

Вот почему твои очи стали теперь угольками.
Вот почему твои думы спят, как могилы прибрежья.
Вот почему ты бездушна – пепел душой не зовется.

РА

Солнечный! Ра сожигающий!
Томная думная лень!
Прянью земли охмеляющий,
Влажно изнеженный день!

Стрекот цикад усыпляющий!
Сонные плески волны!
Парус далекий и тающий!
Горы – остывшие сны!
Ах, эта глубь чернолунная
Пары летучих очей!
Прядка волос легкорунная!
Струйка певучих речей!

Бронзовых ножек бездумная
С гравием жарким игра!
О, эта кипь огнешумная
Солнечной радости Ра!

***

От зноя млечны небеса,
И солнце льет сухие слезы.
На синем море паруса –
Как лепестки от белой розы.

Кипит у отмели волна.
Волна во мне! И все напевней
На сердце, медленно, со дна
Встает восторг, как море древний.

И крылья ширятся, растут.
Орлиный клёкот грудь мне душит.
И злую тягу бренных пут
Во мне дыханье моря рушит.

КАМЕЛИИ

День, умирающий за морем, жаля.
Змеи ночные ползли из ущелий.
Сам я нарвал тебе снежных камелий,
Всю я осыпал цветами разлуки.
Ты протянула мне робкие руки,
Лаской молящею глаз твоих жаля.

Тени густели, вечерние тени....
Тени вечерние свили нам кокон.
Свет угасавший зареющих окон
Стыл, умирая на снеге камелий.
Змеи ночные сползли из ущелий.
День бездыханный завесили тени.

Глухо вздыхало у берега море –
На сердце падали темные вздохи.
Счастья пугливого жалкие крохи
Теплила память... Усталые руки
Ты забавляла цветами разлуки.
Слушая в сердце скорбящее море!

***

В саду черешневом, за изгородью старой,
Давно, в те дни, когда меня стихийной чарой
Впервые охмелил Кавказ,
Гортанный голос твой, тоскующий и томный,
И пел, и плакал. И не раз,
Шаги замедливши, забыв свой путь никчемный,
Я жадно слушал. Жгла тоска
Напева горного полуденной певицы.
И в сердце плыли, плыли думы вереницы,
Томлений вешних облака.

В саду черешневом о жизни безнадежной
Давно-давно, в те дни, когда чадрою снежной
Весна белела, пела ты.
И навсегда унес я голос твой печальный
И вплел в унылые мечты.
Идут мои года. Судьбы моей опальной
Крадется час вечеровой.
И вот опять, опять, в далеком, с прежней чарой
В саду черешневом, за изгородью старой,
Поет и плачет голос твой.

В УЩЕЛЬИ

Страница вещая земной забытой были,
Живой земли живые письмена –
Вот эта голая отвесная стена,
Вот эти корчи праха, что вокруг остыли.

Как внятен здесь, н дремотной мгле ущелья,
Гремящий хаос первозданных дней
И блеск сверкающий земного новоселья,
Когда был мир моложе и хмельней!

В ГОРАХ

Метнулся коршун надо мной,
Прорезал воздух легким шумом,
И буки в ропоте угрюмом
Пошли зеленою волной.

Затмился неба синий взор.
Нависла туча, стужей вея.
И отгул стона Прометея
Вдруг прогремел в ущельях гор.

Зевес великий! прав твой гнев.
Небесный дар людской гордыне
Дал пламя горнее, доныне
Людского сердца не согрев.

УТЕШИТЕЛЬ

– Почему, дорогой, скучный такой.
Не пьешь вина?
Ты зачем не слыхал, как у Нико
Поет зурна?

Эй, зовите Нико, кто-нибудь там,
Сюда в духан!
Не поможет Нико? Глупый ты сам!
Совсем баран.

Денег нет? – не скучай: дам я взаймы.
Э! хмуришь бровь?
Посмотри мне в глаза. Поняли мы:
В груди любовь.

А спасенье одно – станет легко:
Налей вина
И послушай скорей, как у Нико
Поет зурна.

ТОЛУМБАШУ

Готов я небо, землю, море
Волшбой в свидетели призвать,
Готов я клятву дать в Илори,
Готов и в кузне клятву дать –

«Закон стола» хранил я строго
И не считал заздравных чаш,
И за Апсны я пил из рога...
Но пощади же, тслумбаш!

Гляди: вокруг – как поле боя.
А бой был долог и жесток!
И в окнах – утро голубое,
И весь исстрелян потолок.

Ряды пирующих, редея,
Изнемогли уже давно...
Нет! Лей мне лучше яд Медеи,
Чем гудаутское вино!

ГОРЕ

Глаза чернее ночи стали.
«Абыста» он не хочет есть.
Душе какие снятся дали?
Врагу за кровь, задумал месть?

Мрачит ли призрак русской силы,
Орла когтистого налет,
И новый плен отчизны милой,
Над вольной волей новый гнет?

Иль из далекого аула,
Доносит ветер звонкий смех?..
Тоска любви на грудь прильнула –
И в жизни больше нет утех?

Он сдвинул брови. Блеском стали
В глазах метнулся злой огонь.
Он опоздал! – уже украли...
А был венец его печали –
Соседа кабардинский конь.

В МОРЕ

Было это ночью. Было это в море.
Плыл лениво парусник, далеко, на юг.
Груз был тяжкий в трюме – вековое горе.
Плыл, качаясь, парусник, далеко на юг.

Девушек-черкешенок, смугло-чернооких,
Закупив в Анапе, вез торговец грек.
Им цена не малая в городах далеких!
Девушек-невольниц вез в гаремы грек.

Дыбя, пеня волны силой темнокрылой,
Высоко над мачтою ветер, плача, пел.
Выслезилось горе – в трюме тихо было.
Над скрипучей мачтою темный ветер пел.

Сном слепым окутало – черною фатою –
Девушек усталых. Не спала одна…
Тайно сердце плавилось огневой мечтою.
В душной теми трюма не спала одна...

Маревом лучилась родина долина,
Снег садов черешневых, снег далеких гор,
И над старой саклей дикая стремнина,
И ручей в расщелине, дар родимых гор.

И глаза горячие, те, что лишь однажды
Пристально, украдкой, жгли ее глаза,
Те, что в кровь ей кинули пламя алой жажды,
Ей во тьме лучились – те любовь-глаза.

Высоко над мачтой кинул ветер стоном –
В трюме отклик всплакался, словно стон души,
И звезда скатилась черным небосклоном
В море пенно-бурное, словно свет души.

Тайным зовом гибели сердце охмелело!
И в крови кипучей клокотала месть!
Билось дрожью пламенной, холодея, тело...
В гибели – спасенье! И отплата – месть!

В платье был зашит он, на груди, укрыто,
Старый и зазубренный дедовский кинжал.
Много светлой сталью было крови пито!
Вспыхнул блеском радости дедовский кинжал.

Жадно грыз он дерево, днище пробивая.
В душной теми трюма та, что не спала.
Затаив дыхание, смерти обрекая,
Смерти обрекалась та, что не спала.

Пил вино из фляги, лакомясь лукумом,
У кормы на палубе в полудреме грек.
И мечтал лениво, и своим же думам,
Щуря глазки сонные, улыбался грек.

Ночь ползла, тяжелая... Вдруг глухие крики.
В трюме вдруг смятенье, плеск воды и вопль.
Грек, зверея, кинулся... Словно кто безликий
В сердце ткнул кинжалом. Оборвался вопль.

Парусник качался, в волны погружаясь,
И на нем, на гибнущем, кто-то кликал жизнь.
Кто-то, безотчетно, долго, надрываясь.
В море, в ночь ту давнюю, звал, в безумьи, жизнь

Небо безначальное, звездное, светило –
Лился свет далекий на морскую зыбь.
Вскрикнув, птица белая над волной могилой
Поднялась и снова пала где-то в зыбь.

ПЕСНЬ О ГОЛУБОГЛАЗОМ

Позабывши сам – откуда,
Он прибрел тропинкой горной,
Древних рас живой осколок,
Море синее шумело
У подножья гор зеленых.
И приморье полюбилось.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дремный шепот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет –
Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалека.
Он у горного потока
Научился злой отваге.
Подглядел у легкой серны
Тайну легкого копыта.
Слушал ветер он унылый,
Тот, что плачет по ущельям, –
Стал, как ветер, плакать песни.
И глядел он долго-долго
Прямо в небо голубое –
И глаза заголубели
И остались голубыми,
Оттого, что долго-долго
Он глядел упорно в небо.
Раз, от солнца охмелевши,
Он скитался по нагорью.
Он охотился за серной,
Тонконогой недогонкой.
Лился пот с него ручьями.
Сел, усталый, он на камень.
Вдруг услышал – где-то близко
Серебристый смех раздался.

Вдруг увидел: под сосною
Перед ним царица леса.
И дыханье затаил он.
Оторвать он глаз не может.
Ах! красавицы такой он
Никогда еще не видел!
Протянула обе ручки,
Десять пальчиков загнула –
Десять лет женой быть хочет.
Покачал он головою,
Ей ответил он отказом.
Снова ручки протянула,
Девять пальчиков загнула –
Девять лет женой быть хочет.
Снова был отказ ответом.
Убавляла год за годом,
Грустью личико покрылось,
Златокудрая головка
Перестала улыбаться.
Лишь мизинчик показала.
Но и тут отказ ответом...
Засмеялась гневным смехом.
Глазки вспыхнули, как угли.
Показала полмизинца –
Лишь полгода быть женою!
Лишь полгода сроку просит!
Быстро с камня он поднялся,
К ней он кинулся навстречу,
К ней он бросился в объятья.
И в дремучей чаще леса
Смех веселый и счастливый
Раздавался долго-долго.
Через полгода он вышел,
Через полгода спустился
Из лесов на берег речки.
Был он тот же – и не тот же.
Был он прежний – и не прежний.

Поприбавилось немного:
Залегла на лбу морщинка.
Все, чему жена ведунья
Научила за полгода,
Все. о чем меж поцелуев
Передать она успела:
Заклинанья-заговоры
От змеиного укуса,
От ожога, от пореза,
От трясучей лихорадки,
И от бешеной собаки,
И от ястреба-воришки,
Что крадет цыпляток малых, –
Все легло на лбу морщинкой,
Тайной думою на сердце.
Шли года его у моря.
Шли века его у моря.
С кем-то жизнь его сплеталась,
С кем-то был врагом он смелым,
С кем-то был он другом верным,
У кого-то что-то отнял
И кому-то что-то отдал,
Что-то он берег ревниво,
Что-то тратил своенравно,
Что-то строил, что-то рушил...
Но о том волну спросите,
Ту, что отмели целует
В час полуденного зноя.
Или лучше – разузнайте
У скалы у молчаливой,
Той, что сумрачно нависла
Над извилистой тропою.
Но о том же порасскажут
И дубы по горным склонам,
Вековые великаны
В заповедных древних рощах.
Да и каменные груды
Старых башен, стен и храмов,

Те, что время раскидало
Там и тут по побережью,
Крепко помнят быль седую.
Гости хищные Сидона,
Грек с Арго и воин Рима,
Дикий скиф и перс-воитель,
И ромей, политик зоркий,
И лукавый генуэзец –
Много-много приходило,
Уходило, будто волны...
Будто волны, что на берег
Набегают с пенной гривой.
А глаза над морем те же,
Голубые, голубели.
И все те же песни пел он,
Что певал далекий предок.
И глядел голубоглазый,
В даль немую молчаливо
И чему-то улыбался
Тихо-тихо, будто тайну
Разгадал и будто понял,
Для чего живет на свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

МАХАДЖИРЫ – «беженцы», переселенцы в Турцию, черкесы и абхазы, вынужденные покинуть родину в эпоху покорения Западного Кавказа силой русского оружия. Это переселение до наших дней осознается в Абхазии, как национальная печаль.

АСЛАН-БЕЙ – старший сын владетеля Абхазии Келиш-бея (Шервашидзе), 2-го мая 1808 года в крепости Аку (в Сухуме) убивший своего отца. Его бурная жизнь прошла в упорной и жестокой борьбе с братом (от другой жены Келиш-бея) Сефер-беем и племянниками Димитрием и Михаилом, последующими владетелями Абхазии. Ярый противник русских, Аслан воплотил в себе образ героя – борца за независимость и таким остался в памяти своего народа.

EX OR1ENTE MORS – «с востока смерть». Эпиграф из Горация – «ты пылаешь... колхидскими ядами» (Epod. V, 21). Колхида, родина волшебницы Медей, похищенной Язоном, в представлении греков и римлян, изобиловала ядовитыми растениями

РА – Не случайность для Абхазии мотива о египетском божестве солнца основана на предании, идущем со времен Геродота о походе Рамзеса Великого (Сезостриса) в Колхиду и о происхождении колхов из Египта.

ТОЛУМБАШ – предводитель пира, хозяин стола. Его счастливой, но суровой власти пирующие обязаны подчиняться, по традиции, беспрекословно; его торжество –последняя, осушаемая им, чаша, после того как все остальные «изнемогли».

Клятва в кузнице (на наковальне) и в церкви св. Георгия Илорского (близ Очемчир) – традиционная клятва абхазов, пережиток глубокой древности.

АПСНЫ – Абхазия.

Стрельба в воздух (или потолок – в закрытом помещении) – обычное явление туземных пиршеств.

«АБЫСТА» – любимое абхазское блюдо, род каши из кукурузной муки, известное под названием «мамалыга».

ДИОСКУРИЯ – Местонахождение этой знаменитой греческой колонии, цветущей и богатой, на восточном берегу Черного моря, остается спорным. Одни ищут ее близ устья р. Кодора, другие видят ее остатки в развалинах близ Сухума, затопленных морем. По греческому преданию Диоскурия основана выходцами из Милета. По мифу

об аргонавтах она основана Диоскурами, братьями-близнецами, Кастором и Поллуксом, сыновьями Юпитера и Леды, превращенными в звезды (созвездие Близнецы).

КНИГИ ВИКТОРА СТРАЖЕВА:

Opuscula. Стихотворения. Эскизы. 164 стр. Москва. 1904 г.

О печали светлой. Стихотворения 1905–1906 гг. 56 стр. Москва. К-во «Заратустра». 1907 г.

Путь голубиный. Лирическая повесть. 48 стр. Москва. Из-во «Пан». 1908 г.

О Метерлинке, Синей птице и Вечном младенце. Диалог. 82 стр. Москва. Из-во «Пан». 1908 г.

Стихи. Том первый. 136 стр. Москва. 1910 г.

Рассказы. Том второй. 108 стр. Москва. К-во «Метели». 1911 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3

Станислав Лакоба.
ВИКТОР СТРАЖЕВ:
РУССКИЙ ПОЭТ, ПЕДАГОГ И АРХЕОЛОГ В АБХАЗИИ.
Очерк 5

Виктор Стражев.
ГОРСТЬ. *Стихи* 37
Абхазии 39
Махаджир 39
Аслан-бей 40
Ex oriente mors 41
Диоскурия 42
«Тысячелетнее солнце» 43
Ра 43
«От зноя млечны небеса» 44
Камелии 44
«В саду черешневом» 45
В ущельи 45
В горах 46
Утешитель 46
Толумбашу 47
Горе 47
В море 48
Песнь о голубоглазом 50

Примечания 54